

Мария Волконская

Записки

Мария Волконская

Записки

«Public Domain»

1862

Волконская М. Н.

Записки / М. Н. Волконская — «Public Domain», 1862

«Миша мой, ты меня просишь записать рассказы, которыми я развлекала тебя и Нелли в дни вашего детства, словом – написать свои воспоминания. Но, прежде чем присвоить себе право писать, надо быть уверенным, что обладаешь даром повествования, я же его не имею; кроме того, описание нашей жизни в Сибири может иметь значение только для тебя, как сына изгнания; для тебя я и буду писать, для твоей сестры и для Сережи с условием, чтобы эти воспоминания не сообщались никому, кроме твоих детей, когда они у тебя будут, они прижмутся к тебе, широко раскрывая глаза при рассказах о наших лишениях и страданиях, с которыми, однако же, мы свыклись настолько, что сумели быть и веселы и даже счастливы в изгнании...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Мария Волконская

Записки

Господь решит окованныя...

Господь возводит низверженныя...

Псалмы 145, 144

Миша мой, ты меня просишь записать рассказы, которыми я развлекала тебя и Нелли в дни вашего детства, словом – написать свои воспоминания. Но, прежде чем присвоить себе право писать, надо быть уверенным, что обладаешь даром повествования, я же его не имею; кроме того, описание нашей жизни в Сибири может иметь значение только для тебя, как сына изгнания; для тебя я и буду писать, для твоей сестры и для Сережи с условием, чтобы эти воспоминания не сообщались никому, кроме твоих детей, когда они у тебя будут, они прижмутся к тебе, широко раскрывая глаза при рассказах о наших лишениях и страданиях, с которыми, однако же, мы свыклись настолько, что сумели быть и веселы и даже счастливы в изгнании. Я здесь сокращаю то, что так вас забавляло, когда вы были детьми: рассказы о счастливом времени, проведенном мною под родительским кровом, о моих путешествиях, о моей доле радостей и удовольствий на этом свете. Скажу только, что я вышла замуж в 1825 году за князя Сергея Григорьевича Волконского, вашего отца, достойнейшего и благороднейшего из людей; мои родители думали, что обеспечили мне блестящую по светским воззрениям, будущность. Мне было грустно с ними расставаться: словно сквозь подвенечный вуаль, мне смутно виднелась ожидавшая нас судьба. Вскоре после свадьбы я заболела, и меня отправили вместе с матерью, с сестрой Софьей и моей англичанкой в Одессу на морские купания. Сергей не мог нас сопровождать, так как должен был по служебным обязанностям остаться при своей дивизии. До свадьбы я его почти не знала. Я пробыла в Одессе все лето и, таким образом, провела с ним только три месяца в первый год нашего супружества; я не имела понятия о существовании тайного общества, которого он был членом. Он был старше меня лет на двадцать и потому не мог иметь ко мне доверия в столь важном деле.

Он приехал за мной к концу осени, отвез меня в Умань, где стояла его дивизия, и уехал в Тульчин – главную квартиру второй армии. Через неделю он вернулся среди ночи; он меня будит, зовет: «Вставай скорей»; я встаю, дрожа от страха. Моя беременность приближалась к концу, и это возвращение, этот шум меня испугали. Он стал растапливать камин и сжигать какие-то бумаги. Я ему помогала, как умела, спрашивая, в чем дело? «Постель арестован». – «За что?» Нет ответа. Вся эта таинственность меня тревожила. Я видела, что он был грустен, озабочен. Наконец, он мне объявил, что обещал моему отцу отвезти меня к нему в деревню на время родов, – и вот мы отправились. Он меня сдал на попечение моей матери и немедленно уехал; тотчас по возвращении он был арестован и отправлен в Петербург. Так прошел первый год нашего супружества; он был еще на исходе, когда Сергей сидел под затворами крепости в Алексеевском равелине.

Роды были очень тяжелы, без повивальной бабки (она приехала только на другой день). Отец требовал, чтобы я сидела в кресле, мать, как опытная мать семейства, хотела, чтобы я легла в постель во избежание простуды, и вот начинается спор, а я страдаю; наконец, воля мужчины, как всегда, взяла верх; меня поместили в большом кресле, в котором я жестко промучилась без всякой медицинской помощи. Наш доктор был в отсутствии, находясь при больном в 15 верстах от нас; пришла какая-то крестьянка из нашей деревни, выдававшая себя за бабку, но не смела ко мне подойти и, став на колени в углу комнаты, молилась за меня. Наконец к утру приехал доктор, и я родила своего маленького Николая, с которым впоследствии мне

было суждено расстаться навсегда¹. У меня хватило сил дойти босиком до постели, которая не была согрета и показалась мне холодной, как лед; меня сейчас же бросило в сильный жар, и сделалось воспаление мозга, которое продержало меня в постели в продолжение двух месяцев. Когда я приходила в себя, я спрашивала о муже; мне отвечали, что он в Молдавии, между тем как он был уже в заключении и проходил через все нравственные пытки допросов. Сначала его привели, как приводили и всех остальных, к императору Николаю, который накинулся на него, грозя пальцем и браня его за то, что он не хотел выдать ни одного из своих товарищей. Позже, когда он продолжал упорствовать в этом молчании перед следователями, Чернышев, военный министр, сказал ему: «Стыдитесь, князь, прапорщики больше вас показывают». Впрочем, все заговорщики были уже известны: предатели Шервуд, Майборода и... выдали список имен всех членов Тайного общества, вследствие чего и начались аресты. Я не дерзну излагать историю событий этого времени: они слишком еще к нам близки и для меня недостижимы; это сделают другие, а суд над этим порывом чистого и бескорыстного патриотизма произнесет потомство. До сих пор история России представляла примеры лишь дворцовых заговоров, участники которых находили в том личную для себя пользу.

Наконец, однажды, собравшись с мыслями, я сказала себе: «Это отсутствие мужа неестественно, так как писем от него я не получаю», и я стала настоятельно требовать, чтобы мне сказали правду. Мне отвечали, что Сергей арестован, равно как и В. Давыдов, Лихарев и Поджио. Я объявила матери, что уезжаю в Петербург, где уже находился мой отец. На следующее утро все было готово к отъезду; когда пришлось вставать, я вдруг почувствовала сильную боль в ноге. Посылаю за женщиной, которая тогда так усердно молилась на меня Богу; она объявляет, что это рожа, обвертывает мне ногу в красное сукно с мелом, и я пускаюсь в путь со своей доброй сестрой и ребенком, которого по дороге оставляю у графини Браницкой, тетки моего отца: у нее были хорошие врачи; она жила богатой и влиятельной помещицей.

Был апрель месяц и полная распутица. Я путешествовала день и ночь и приехала, наконец, к своей свекрови. Это была в полном смысле слова придворная дама. Некому было дать мне доброго совета: брат Александр, предвидевший исход дела, и отец, его опасавшийся, меня окончательно обошли. Александр действовал так ловко, что я все поняла лишь гораздо позже, уже в Сибири, где узнала от своих подруг, что они постоянно находили мою дверь закрытой, когда ко мне приезжали. Он боялся их влияния на меня; а несмотря, однако, на его предосторожности, я первая с Каташей Трубецкой приехала в Нерчинские рудники.

Я была еще очень больна и чрезвычайно слаба. Я выпросила разрешение навестить мужа в крепости. Государь, который пользовался всяким случаем, чтобы высказать свое великодушие (в вопросах второстепенных), и которому было известно слабое состояние моего здоровья, приказал, чтобы меня сопровождал врач, боясь за меня всякого потрясения. Граф Алексей Орлов сам повез меня в крепость. Когда мы приближались к этой грязной тюрьме, я подняла глаза и, пока открывали ворота, увидела помещение над въездом с настезь открытыми окнами и Михаила Орлова в халате, с трубкой в руках, наблюдающего с улыбкой за въезжающими.

Мы вошли к коменданту; сейчас же привели под стражей моего мужа. Это свидание при посторонних было очень тягостно. Мы старались обнадежить друг друга, но делали это без убеждения. Я не смела его расспрашивать все взоры были обращены на нас; мы обменялись платками. Вернувшись домой, я поспешила узнать, что он мне передал, но нашла лишь несколько слов утешения, написанных на одном углу платка, и которые едва можно было разобрать.

Свекровь расспрашивала меня о своем сыне, говоря при этом, что не может решиться съездить к нему, так как это свидание убило бы ее, – и уехала на другой день со вдовствующей императрицей в Москву, где уже начались приготовления к коронации. Моя золовка, Софья

¹ Сын Николай родился 2-го января 1826 г., умер в феврале 1828 г.

Волконская, должна была приехать в скором времени; она сопровождала тело покойной императрицы Елизаветы Алексеевны, которую везли в Петербург. Я нетерпеливо желала познакомиться с этой сестрой, которую муж мой обожал. Я много ожидала от ее приезда. Мой брат смотрел на дело иначе; он стал внушать мне опасения относительно моего ребенка, уверяя меня в том, что следствие продлится долго (что, впрочем, было и справедливо), что я должна бы лично удостовериться в уходе за моим дорогим ребенком и что я, наверное, встречу с княгиней в дороге. Не подозревая ничего, я решилась ехать с мыслью привезти сюда сына. Я направилась на Москву, чтобы повидать сестру Орлову. Моя свекровь была уже там в качестве обергофмейстерины. Она мне сказала, что ее величеству угодно меня видеть и что она принимает во мне большое участие. Я думала, что императрица хочет со мной говорить о моем муже, ибо в столь важных обстоятельствах я понимала участие к себе, лишь поскольку оно касалось моего мужа; вместо того со мной беседуют о моем здоровье, о здоровье отца, о погоде...

Вслед за тем я немедленно выехала. Брат устроил так, чтобы я разъехалась с золовкой, которая, будучи в курсе всего, могла бы меня посвятить в направление, принятое делом. Я нашла своего ребенка бледным и хилым; ему привили оспу, он заболел. Я не получала никаких известий; мне передавались только самые бессодержательные письма, остальные уничтожались. Я с нетерпением ждала минуты своего отъезда; наконец брат приносит мне газеты и объявляет, что мой муж приговорен. Его разжаловали одновременно с товарищами на гласисе крепости. Вот как это произошло: 13 июля, на заре, их всех собрали и разместили по категориям на гласисе против пяти виселиц. Сергей, как только пришел, снял с себя военный сюртук и бросил его в костер: он не хотел, чтобы его сорвали с него. Было разложено и зажжено несколько костров для уничтожения мундиров и орденов приговоренных; затем им всем приказали стать на колени, причем жандармы подходили и переламывали саблю над головой каждого в знак разжалования; делалось это неловко: несколькими из них поранили голову. По возвращении в тюрьму они стали получать не обыденную пищу свою, а положение каторжников; также получили и их одежду – куртку и штаны грубого серого сукна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.